

А ведь это был неплохой повод.

Как раз Янь Тину не хотелось признаваться, что он устроил на императорской кухне полный разгром, потому что пытался приготовить еду для Пэй Сюньчжи.

Он упрямо заявил:

— Да. Я именно пришёл сюда выпустить злость.

Только он забыл, что рядом стоит Лоло.

— Всё было не так, — Лоло ни за что не позволила усилиям Янь Тина пропасть впустую. — Ваше Величество не знаете: Ваше Высочество узнали, что вы каждую ночь работаете допоздна, очень расстроились за вас и пришли на императорскую кухню приготовить вам что-нибудь поесть. Пусть еда и не получилась, а кухня загорелась, зато его любовь к вам настоящая!

Она сложила ладони перед грудью, глаза наполнились слезами, и принялась изо всех сил моргать.

Не будь Пэй Сюньчжи императором, она, пожалуй, сама заставила бы их двоих навсегда прилипнуть друг к другу.

Услышав это, Пэй Сюньчжи первым делом взял руку Янь Тина и осмотрел.

Ни порезов от ножа, ни ожогов маслом. Пальцы по-прежнему чистые, почти ослепительно белые, только кончики слегка розовые.

Кухня сгорела, зато самого себя он сумел сохранить в идеальном состоянии. Наверное, это тоже можно считать особым талантом.

Пэй Сюньчжи отпустил его руку и кончиками пальцев по очереди погладил обе щеки.

— Похоже, Нам не повезло: попробовать блюдо любимой наложницы не суждено.

Янь Тин тихо кашлянул, скрывая неловкость, и услышал продолжение:

— Зато сегодня повезёт любимой наложнице. Сможешь попробовать то, что приготовим Мы.

— Мм?

Только теперь Янь Тин узнал, что в таком маленьком павильоне Чэньшуй вообще есть кухня.

Лоло перенесла туда продукты, которые удалось спасти из императорской кухни: одну редьку, две картофелины и немного курятины, утки, свинины и баранины.

Она осмотрела всё и сказала:

— Ваше Высочество хотели приготовить баранину с картофельной соломкой. Здесь как раз есть и картошка, и баранина.

Услышав название блюда, Пэй Сюньчжи на мгновение застыл.

В столице не любили специфический запах баранины и обычно забивали его тяжёлыми специями, долго туша мясо до мягкости и насыщенного вкуса.

Только люди с границы привыкли есть баранину, обжаренную с картофельной соломкой.

Он опустил глаза и будто между делом сказал:

— Это было любимое блюдо моей матери.

Янь Тин кивнул.

— Я знаю.

Пэй Сюньчжи всё понял.

Человек, который никогда в жизни не готовил, вдруг полез на кухню только ради того, чтобы его порадовать.

Но сам Пэй Сюньчжи это блюдо на самом деле не любил.

Его мать выросла на границе, любила молочное вино из овечьего молока, любила беззаботно бегать по бескрайней степи. Характер у неё был свободный и раскованный.

А он родился в квадратных стенах императорской столицы. Характер дурной, мысли полны расчётов, ради цели он готов на всё.

Он был ребёнком, рождения которого никто не ждал.

Позором своей матери.

В итоге Пэй Сюньчжи приготовил блюда из спасённых продуктов, но картофель и баранину так и не тронул.

Янь Тин ел и украдкой наблюдал за его лицом. Заметив, что тот будто не очень счастлив, нарочно громко заявил:

— Ваше Величество готовите невероятно! Я за всю жизнь не ел ничего настолько вкусного.

Все спутанные мысли Пэй Сюньчжи тут же переключились на это преувеличенное представление. Он посмотрел на лицо Янь Тина и едва заметно улыбнулся.

Янь Тин тоже улыбнулся в ответ.

Однако, закончив есть и вытирая рот платком, он наконец понял, над чем Пэй Сюньчжи только что смеялся.

Платок стал чёрным от копоты.

Янь Тин подошёл к кровати, взял со шкафа бронзовое зеркало и внимательно посмотрел. На кончике носа была сажа, а по обеим щекам тянулись по три симметричные чёрные полосы.

...Так вот зачем Пэй Сюньчжи раньше гладил сначала левую щёку, потом правую. Просто размазал ему сажу поровнее.

Правитель целого Юйчжао — а такой ребёнок.

Янь Тин вытер лицо и повернулся к Лоло:

— Почему ты мне не сказала?

— Я ничего не знаю. Какая сегодня прекрасная погода, — Лоло медленно попятилась и вскоре скрылась за поворотом у двери.

Янь Тину оставалось только посмотреть на Пэй Сюньчжи.

Император привык контролировать всё вокруг, поэтому чувство вины в его характер вообще не входило.

Он постучал по дверному косяку. Тут же вошёл тайный стражник и преподнёс коробку, обернутую красной тканью.

В прошлой такой коробке лежала человеческая голова.

Янь Тин моргнул, всерьёз опасаясь, что сейчас откроет крышку — и отцовская голова бодро заглянет ему в глаза.

Но по знаку Пэй Сюньчжи он всё-таки осторожно развязал красный узел и резко поднял крышку.

К счастью, не голова.

Внутри лежала куча необычных безделушек.

Механическая птичка, подвеска-бабочка из перьев и россыпь редких драгоценных камней.

Вместе с подаренным раньше ажурным ароматическим шаром всё это действительно напоминало кошачьи игрушки.

— Всё это сокровища, присланные в дань малым государством Южных варваров. На какое-то время тебе должно хватить, — сказал Пэй Сюньчжи. — Государственные дела ещё не закончены. Нам нужно...

Янь Тин перебил:

— Ваше Величество, я очень жадный. Не хочу эти маленькие игрушки. Я хочу сокровище побольше.

Пэй Сюньчжи слегка удивился.

— Какое?

— Самое большое сокровище — Ваше Величество, — Янь Тин подбежал к нему и с неохотой ухватился за руку. — Я хочу Ваше Величество.

Вечерний ветер прошёл над павильоном Чэньшуй. В озере отражалась ясная луна; мягкий серебряный свет переплетался с кругами на воде.

В конце концов Пэй Сюньчжи взял Янь Тина с собой в Императорский кабинет.

Пока он разбирал накопившиеся дела, Янь Тин принёс маленький стул, сел рядом и помогал растирать тушь.

Картина могла бы быть спокойной и красивой, если бы в процессе растирания Янь Тин сам себя не усыпил. Голова клюнула вниз и едва не ударилась о тушечницу.

Пэй Сюньчжи успел протянуть руку, подхватил его в объятия и ущипнул за щёку.

— Любимая наложница?

— Янь Тин?

...Спал он прекрасно. Не добудишься.

Пэй Сюньчжи пришлось держать его на руках и продолжать разбирать дела.

Рука уже затекла, когда он наконец подписал последний мемориал.

Главный евнух тут же подошёл ближе, собираясь спросить, будет ли Его Величество сегодня отдыхать один или велит перенести выезд в павильон Чэньшуй.

Но он не успел открыть рот: Пэй Сюньчжи приложил палец к губам, велел молчать, а затем слегка поднял подбородок, приказывая нести фонарь.

Главный евнух мгновенно всё понял, опустил глаза и пошёл впереди с фонарём, освещая Пэй Сюньчжи дорогу обратно в павильон Чэньшуй.

...

Всю ночь Янь Тин спал удивительно спокойно.

Проснулся снова под ярким солнцем, в ясный безоблачный день.

Как обычно, Пэй Сюньчжи уже ушёл на утреннюю аудиенцию.

Янь Тин принял у Лоло полотенце для умывания и воду для полоскания рта. Она спросила:

— Что Ваше Высочество желают на завтрак?

— Я не голоден. — Он отложил полотенце. — Лоло, пока Его Величество не пришли, я хочу посмотреть дворец, где когда-то жила наложница Цянь.

Наложница Цянь была родной матерью Пэй Сюньчжи.

Лоло сильно удивилась:

— Там уже больше двадцати лет никто не живёт. Сорняки во дворе, наверное, выше вас. Зачем вам туда?

Янь Тин не ответил, только упрямо повторил:

— Я хочу туда. Просто отведи меня.

Вчера, когда зашла речь о наложнице Цянь, выражение Пэй Сюньчжи явно изменилось.

Смерть матери оставалась занозой, застрявшей у него в сердце.

Янь Тин хотел посмотреть это место. Возможно, удастся найти какую-нибудь зацепку и помочь Пэй Сюньчжи развязать этот узел.

<http://bllate.org/book/19030/1869143>